
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.7; 2-67; 130.2

DOI 10.23683/2227-8656.2018.4.4



ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ НА ЮГЕ РОССИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ¹

THE INSTITUTIONAL PRACTICES OF THE INTERREGILIOUS INTERACTION IN REGIONAL COMMUNITIES IN THE SOUTH OF RUSSIA: INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

Воденко Константин Викторович

Доктор философских наук, профессор
Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Konstantin V. Vodenko

Doctor of Philosophical
Sciences, Professor,
Platov South-Russian
State Polytechnic University (NPI),
Novocherkassk, Russia,
e-mail: vodenkok@mail.ru

Лубский Анатолий Владимирович

Доктор философских наук, профессор,
профессор Института социологии
и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: avlubsky@gmail.com

Anatoly V. Lubsky

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: avlubsky@gmail.com

¹ Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00545-ОГН «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

Целью заявленной статьи является междисциплинарный анализ институциональных практик в межрелигиозном взаимодействии на Юге России. Исходя из полиэтничности и поликонфессиональности Юга России, исследовательский акцент делается на применении процедур социального конструктивизма и неoinституционализма в рамках определения институциональных практик как воспроизведения норм и правил взаимодействия между религиозными общностями как алгоритма межрелигиозного взаимодействия. Выявлено, что при сохранении баланса двух основных конфессий (ислам и православие) институциональные практики ориентированы на включение религиозных структур в диалог, в первую очередь с властными институтами, и пока еще слабую тенденцию взаимодействия с общественными ассоциациями.

The aim of the article is to conduct the interdisciplinary analysis of the institutional practices of the interreligious interaction in the South of Russia. Proceeding from the multiethnicity and polyconfessionality of the South of Russia, the research focuses on the application of the procedures of social constructivism and neoinstitutionalism in the framework of defining the institutional practices as the reproduction of norms and rules of interaction between religious communities as an algorithm for interreligious interaction. It was revealed that, while preserving the balance of the two main denominations (Islam and Orthodoxy), the institutional practices are oriented towards the inclusion of religious structures in dialogue, primarily with power institutions and in the still weak interaction with public associations.

Ключевые слова: институциональные практики; межрелигиозное взаимодействие; региональные сообщества; Юг России; теоретико-методологические анализ.

Keywords: institutional practices; interreligious interaction; regional communities; South of Russia; theoretical and methodological analysis.

Введение

Южнороссийский регион представляет собой полиэтничное и поликонфессиональное пространство. В связи с этим обстоятельством, особое внимание привлекают институциональные практики, сложившиеся в сфере межрелигиозного взаимодействия и общения. Очевидно, что межрелигиозные отношения, определяемые социальными макро- и микроуровнями, влияют на публичную сферу, формируют поведенческие и культурно-символические коды в сфере повседневности. Неслучайно южнороссийский регион, являясь российским пограничьем, ситуация в котором характеризуется воздействием внутренних и внешних вызовов, становится полем испытания прочности общероссийской идентичности, общероссийского патриотизма. Поэтому в нынешней ситуации востребована система научных исследований, направленных на анализ институциональных практик, трактуемых как действия, обусловленные формальными и неформальными нормами межрелигиозного взаимодействия, которые связаны с их интернализацией, переинтерпретацией и экстернализацией в процессе межрелигиозных интераций,

порождающих трансформацию старых или формирование новых институтов как норм межрелигиозного взаимодействия (Ценностная политика ... , 2015).

Основываясь на вышеприведенном положении, можно констатировать, что в сфере межрелигиозных отношений и воспроизводятся традиционные нормы межрелигиозного взаимодействия, и вырабатываются новые образцы, связанные с изменением межконфессиональной конфигурации, с влиянием «инновационных» религиозных структур, с изменениями в дискурсе внутриконфессионального и межконфессионального отношения к социально-политическим реальностям.

В Южном федеральном округе представлены все три мировые религии – ислам, христианство (православная и протестантская ветви), буддизм. Конфессиональное пространство в целом здесь условно делится на следующие основные части: 40 % – религиозные организации Русской православной церкви (РПЦ); 30 – религиозные организации мусульман; 26,5 – протестантские организации, 3 – буддисты и иудеи, 0,5 % – другие религиозные течения.

Фактор межрелигиозных отношений имеет большее значение и влияние, так как связан с политическими и идеологическими коллизиями, с тем, что сфера межрелигиозных отношений рассматривается как показатель внутривнутриполитической стабильности, с другой стороны, как индикатор духовной безопасности. Учитывая, что в российском обществе институт церкви воспринимается как структура символического порядка, духовной гармонии и оплота нравственности, можно констатировать, что, во-первых, изучение институциональных практик в сфере межрелигиозного взаимодействия имеет концептуальный смысл, связанный с осмыслением влияния межрелигиозного взаимодействия на укрепление российской идентичности, российского патриотизма и солидаристских практик в российском обществе. Во-вторых, институциональные практики содержат индикаторы социокультурной интегрированности регионального пространства, так как от характера межрелигиозных отношений, от направленности институциональных практик в этой сфере зависят уровень и характер межличностного и институционального доверия регионального социума. В-третьих, сложно реализовать концепцию устойчивого регионального развития вне рассмотрения модернизационных и регрессивных трендов в региональном социуме, в котором межрелигиозные отношения могут стимулировать политическую и межэтническую конфликтность или при выстроенной системе социальной экспертизы и социального диагноза содержать позитивные последствия, способствовать культурному разнообразию, росту соци-

альной мобильности, создавать условия для стабильного морально-психологического климата регионального социума (Volkov, 2017).

Обзор научно-исследовательской литературы по проблемам межрелигиозного взаимодействия

На Западе тематика межрелигиозного диалога активно изучалась на протяжении последнего столетия, породив одно из направлений развития гуманитарной мысли и отдельную сферу жизни мирового сообщества (Berger, 1999). Однако вследствие религиозно-культурной специфики разработанные в западном мире подходы не могут быть механически перенесены на российскую почву, хотя анализ и рецепция опыта построения межрелигиозных отношений, безусловно, могут быть полезны. Таким образом, сегодня можно говорить о насущной потребности в разработке эффективных концептуальных моделей позитивного межрелигиозного взаимодействия, адекватных вызовам современной цивилизации, учитывающих российскую этноконфессиональную и социокультурную специфику.

В работах отечественных авторов (Тишков, 2001; Дробижева, 2012) анализируется религиозный состав населения региона в контексте выявления социально-демографических и социально-стратификационных показателей, делается вывод о том, что межрелигиозный диалог формируется как совокупность социальных коммуникаций, связанных с влиянием религиозного выбора на социальное самочувствие верующих, отношение к традициям и ценностям, перспективам этнокультурного развития. Другие авторы (Ляужева, 2001; Напсо, 2013; Ткачев, 2007; Перцева, 2014) рассматривают межрелигиозные отношения как условие роста социального солидаризма и исходят из того, что возрождение традиционной культуры содержит религиозную традицию, влияет на процесс социокультурной модернизации региона. В рамках исследований, проведенных Р.А. Ханаху и О.М. Цветковым (2012), И.Л. Бабич и А.А. Ярлыкаповым (2003), отмечается, что межрелигиозные отношения содержат потенциал возрождения и развития гуманистических ценностей в региональном социуме, так как в рамках межрелигиозного диалога, достижения понимания на основе выработки универсальных кодов поведения и восприятия существенно снижается риск перевода религиозных различий в этнонациональную напряженность.

Таким образом, в работах исследователей, посвященных межрелигиозным отношениям на Юге России, делается попытка осмыслить межрелигиозные отношения как отношения между приверженцами

традиционных религий (православие, ислам, буддизм), содержащие регулярные и регулируемые взаимодействия, создающие определенные схемы и контуры, внутри которых действуют конфликтность или согласие. Очевидно, что регулярность межрелигиозных отношений, их повторяемость, закреплённость в поведенческих и культурно-символических кодах нацеливают на исследование формальных и неформальных институциональных практик в системе межрелигиозных отношений Юга России.

Итак, целью данной статьи является исследование формальных и неформальных институциональных практик в контексте межрелигиозного взаимодействия на Юге России, что определяет постановку задач, связанных с классификацией формальных и неформальных институциональных практик, потенциалом согласия и конфликтности, содержащемся в воспроизводстве алгоритмов межрелигиозного взаимодействия, их влияние на развитие общероссийской идентичности.

Теоретико-методологические подходы к изучению институциональных практик в межрелигиозном взаимодействии в региональных сообществах

Для адекватного анализа институциональных практик в межрелигиозном взаимодействии на Юге России в контексте использования их потенциала в укреплении общероссийской идентичности необходима концептуализация понятий. Под общероссийской идентичностью мы понимаем гражданскую идентичность как сопричастность, самоопределение в рамках гражданской (политической) нации, ориентированной на закрепление гражданских ценностей и качеств (уважение к закону, толерантность, правовая лояльность, доверие, открытость, солидарность). Гражданская идентичность фиксирует переход от нации как принадлежности к государству, к согласованию приватного и публичного дискурсов в самоопределении личности, включение в согражданство в качестве политического суверена. Гражданская идентичность является осознанием гражданами принадлежности к обществу на основе сильной, регулярной и постоянной связи с гражданами страны (Лубский, 2015; Российская нация ... , 2011; Тишков, 2001).

Общероссийская идентичность рассматривается как коллективное чувство осознания принадлежности к Российскому государству, общей территории, общей исторической судьбы, культурно-цивилизационного наследия многонационального российского народа. Операционализируется понятие общероссийской идентичности как государственно-гражданской, включающей этатизм, лояльность по отношению к Рос-

сийскому государству и чувство согражданственности, связанное с осознанием и принятием формулы гражданского сообщества как партнера государства в социально-политическом развитии страны.

Под формальными институциональными практиками понимается совокупность социальных действий, воспроизводимых в системе межрелигиозных отношений на основе формальных (правовых) регуляторов, ориентированных на приверженность конституционно-правовому порядку, согласование гражданских прав и права на свободу совести при соблюдении принципа правовой лояльности (Ценностная политика ... , 2015. С. 256). В рамках исследования формальные институциональные практики интерпретируются как модели социального поведения, основанные на формальных правовых нормах (Национальная политика ... , 2016. С. 107, 138).

Неформальные институциональные практики есть массовые регулярные социальные действия на основе неформальных регуляторов, включающих семейно-родственные связи (семейный капитал), культурные традиции, религиозные ценности, направленные на сопротивление, ограничение или ассимиляцию формальных норм.

Межрелигиозные отношения понимаются как социальные отношения, совокупность регулярных и регулируемых социальных взаимодействий, связанных с взаимным позиционированием и коммуникацией верующих, принадлежащих к определенной религиозной конфессии, в рамках диалога или расхождения по социально значимым аспектам региональной жизни и в контексте цели исследования отношения к общероссийской идентичности как сопринадлежности к российскому многонациональному народу.

Заявленная тема исследования основывается на изучении экспертных оценок российских социологов и антропологов, осуществлявших мониторинг межконфессиональной ситуации в южнороссийском регионе на протяжении 2013–2018 гг. Характерно, что прослеживается устойчивая тенденция воспроизводства институциональных практик в сфере межрелигиозных отношений, которая характеризуется стабильностью формальных институциональных практик и изменениями на уровне неформальных институциональных регуляторов, что связано с включением активности новых конфессиональных групп и изменениями социально-демографического и социально-статусного характера внутри традиционных конфессий (Состояние межэтнических отношений ... , 2015).

В монографии «Общероссийская идентичность: незавершенный проект и новая повестка дня» содержатся три исследовательских акцен-

та в контексте изучения институциональных практик в сфере межрелигиозного взаимодействия. Во-первых, подчеркивается, что дискурсивные практики, формирующие конфессиональные образы, и конструкты межконфессионального взаимодействия являются базовыми в анализе институциональных практик, так как связаны с интернализацией конфессиональной принадлежности, самоопределения в рамках конфессиональной общности и ее предназначения, роли в региональном социуме. Во-вторых, отмечается, что в конце 90-х гг. XX в. идея гражданской нации, основанная на зарубежной либеральной традиции, встретила контрреакцию, консервативную волну, направленную на актуализацию введения в публичную сферу традиционных конфессиональных ценностей. В-третьих, сфера межрелигиозных отношений содержит маркеры, позволяющие воздействовать механизмом «воображения», направленным на конструирование этнонациональной и национально-цивилизационной идентичности (Конструирование общероссийской идентичности ... , 2016).

Вышеприведенные обобщения дают концептуальные ориентиры для осмысления институциональных практик как вкладывающихся в схему идентификационных стратегий населения региона. Даже если фиксируются относительно низкие показатели конфессиональной активности, сфера межконфессионального взаимодействия характеризует практический интерес к конфессиональным нормам и ценностям как культурно-исторической традиции, как модели коллективного опыта и самопереживания. Закономерно, что результаты исследования в молодежной среде свидетельствуют о запросе на конфессиональность в качестве маркера идентичности в контексте религиозного индифферентизма и склонности к обрядоверию. В целом можно констатировать, что вводимые в операциональный оборот материалы позволяют рассматривать институциональные практики в сфере межконфессионального взаимодействия в южнороссийском регионе как отражение сложных процессов актуализации конкурирующих идентичностей в российском обществе (гражданская, государственно-гражданская, национально-цивилизационная) (Общероссийская идентичность ... , 2001. С. 7, 8).

Так, современные авторы предлагают реализовать концепцию социального конструктивизма, содержащего «избавление» от схем эссенциализма, приписывающих институциональным практикам в сфере межконфессионального взаимодействия параллелизм как оптимальный вариант или перманентную конфликтность, связанную с дихотомией конфессиональных норм, нацеленных на догматическое восприятие в рамках неотрефлексированного сознания идеи конфессиональной из-

бранности в отношении других конфессий и, как следствие, практики воинствующего или скрытого прозелитизма. Согласно его позиции, институциональные практики в сфере межконфессионального взаимодействия можно интерпретировать в контексте актуализации социальных референтов, испытывающих влияние «естественной» конфессиональной идентичности, опирающейся на воспроизводство институциональных практик как алгоритмов практического действия в сфере межрелигиозных отношений и искусственных факторов, связанных с культурно-информационным, образовательным, политическим воздействием (Общероссийская идентичность ... , 2001. С. 25).

Опираясь на материалы социологической экспертизы, содержащей конкретные обобщения о динамике межрелигиозных отношений в южнороссийском регионе, можно констатировать, что модель конфессионального треугольника (православие – ислам – буддизм) не испытывает резких поворотов, но в межконфессиональную картину вносятся новые смысловые и поведенческие нюансы. Можно говорить о том, что экспертные оценки внушают сдержанный оптимизм относительно состояния межрелигиозных отношений и прогнозирования межконфессиональной напряженности. Вместе с тем следует подчеркнуть, что южнороссийский регион испытывает влияние геополитических и миграционных трендов, в публичной сфере хотя и не легитимировано, но формируются притязания новых акторов межрелигиозных отношений. В сфере повседневности, в которой укрепились стандарт уважения межрелигиозных различий и готовность к «позитивному нейтралитету», институциональные практики содержат воспроизводство поведенческих кодов и ориентированы на конфессиональность как фактор этнических и культурных различий.

Материалы исследования констатируют, что межконфессиональные отношения в определенной степени политизируются, становятся инструментом управленческого воздействия и стимулирования активности общественных и общественно-политических ассоциаций и объединений. В вышеприведенных исследованиях южнороссийский регион характеризуется как пространство межконфессиональной стабильности и вместе с тем определяются точки роста рискогенности в межрелигиозных отношениях. Институциональные практики в сфере межконфессионального общения содержат аналитические и прогностические показатели, так как связаны с динамикой конфессиональной (религиозной) идентичности, с ее соотношением с региональной и общероссийской идентичностью, с тем, что российский исследователь Л.М. Дробижева характеризует как возможности позитивной совместимости конфессио-

нальной принадлежности и общероссийской идентичности, анализ рисков перерождения конфессиональной идентичности в конфессиональный радикализм и описание конфессиональных идеологов, которые могут способствовать укреплению общероссийской идентичности в региональном социуме (Дробижева, 2012).

Экспертные исследования дают основания для оценки тенденций интеграции и дезинтеграции в региональном социуме, позволяют реализовать сравнительный анализ ситуации в течение десятилетнего периода, нацеливают исследовательское внимание на изменения «конкурирующих» идентичностей (этническая, региональная, религиозная) и связаны с проблемами социального самочувствия граждан в южнороссийском регионе (Lubsky, 2016).

Таким образом, есть необходимость определения теоретико-методологического аспекта данного исследования. Самое главное – это попытка внести определенный вклад в аналитическое осмысление институциональных практик в сфере межрелигиозных отношений в контексте инициирования конфессиональных общностей, политики согласия или межобщинной напряженности. Очевидно, что в рамках данного исследования следует отсеять идеологические маркеры, основанные на «войне идентичностей». Однако возникают теоретические сложности: во-первых, дефицит неконфликтогенных теоретических схем, другими словами, встает вопрос о том, каким образом институциональные практики в сфере межрелигиозных отношений могут интерпретироваться как основа конструктивного движения к социокультурной интеграции населения региона.

Неоинституциональный подход предполагает интерпретацию институциональных практик на основе устойчивых моделей поведения, связанных с определенными соглашениями, определенными внутренними правилами конфессионального общения и формирования институтов совместного межконфессионального взаимодействия. Очевидно, что формальные и неформальные институциональные практики согласуются с организацией формальных норм (публичным правом) и частных, неформальных норм, связанных с горизонтальным устроением конфессиональных общностей (Норт, 2011. С. 35).

Важно отметить, что в рамках реализации российского законодательства о конфессиях и религиозной жизни институциональные практики связываются с ответственностью конфессиональных общностей за поддержание духа порядка, мира и согласия в российском обществе. Однако следует принимать во внимание фактор корпоративной (конфессиональной) идентичности, имеющий «независимость» от государ-

ства в сфере и конфессиональной обрядности, и регулирования отношений внутри конфессиональной общности.

Заключение

Итак, для реализации цели исследования требуются анализ показателей объективного, структурного порядка (состав, численность конфессиональной общности, характер ее отношений с государственными (властными) структурами) и субъектные параметры, определяемые уровнем и интенсивностью межконфессионального общения, балансом формальных и неформальных регуляторов, характеризующих способность конфессиональной общности реализовывать конфликтные или согласительные стратегии и в сфере повседневности, и в отношениях с государством.

Межрелигиозное взаимодействие оказывает непосредственное воздействие на конструирование гражданской идентичности жителей Юга России. Взаимоотношения мировых религий в регионе структурируются вокруг авторитативных центров традиционных конфессий, в зависимости от чего можно прогнозировать степень их лояльности государственной власти, а также возможности реализации девиантных, революционных и антигосударственных стратегий. В то же время роль религиозных институтов в конструировании гражданской идентичности носит в целом амбивалентный характер. Зоны напряженности в сфере межрелигиозных и межэтнических отношений в регионе во многом связаны с проблемами культурной интеграции трудовых мигрантов, при этом что нельзя отрицать роль ксенофобии, которая во многом является медийным продуктом. Вместе с тем на Юге России накоплен культурный капитал межэтнического взаимодействия, с привлечением представителей традиционных конфессий, обладающих духовным авторитетом.

Литература

Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.

Дробизшева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник российской нации. 2012. № 4–5.

Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки

References

Babich, I.L., Yarlykapov, A.A. (2003). Islamic revival in Kabardino-Balkaria: prospects and consequences. M. (in Russian).

Drobizheva, L.M. (2012). Russian identity and consent in interethnic relations: the experience of 20 years of reforms. *Vestnik rossiyskoy natsii*, 4-5. (in Russian).

The construction of the all-Russian identity in the context of inter-ethnic and interreligious interaction / Ed. Yu. Volkov. (2016). Rostov-on-Don: Science and Education

и образования, 2016. 244 с.

Лубский А.В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 30–45.

Ляушева С.А. Культурно-этнические аспекты ислама у адыгов // Известия ЦСН МГТИ. Философия, социология, культурология. 2001.

Hanco P.P. Состояние межнациональных отношений в Республике Адыгея как фактор социального самочувствия населения // Вестник Майкопского государственного технологического ун-та. 2013. № 2.

Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта / отв. ред. Ю.Г. Волков. М. : Социально-гуманитарные знания, 2016. 425 с.

Норт Д., Уоллес Дж., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. М., 2011.

Общероссийская идентичность: незавершенный проект и новая повестка дня / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2017. 332 с.

Перцева Ю.И. Возрождение традиционной культуры казачества в деятельности фольклорных коллективов Юга России // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития : материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014.

Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В.А. Тишков. М. : Наука, 2011. 248 с.

Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (второе полугодие 2015 года) : экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.; Пятигорск; Ставрополь : ПГЛУ, 2015. 141 с.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. 320 с.

Ткачев М.В. Социокультурный аспект миграционных процессов в контексте региональной конфликтологии // Актуальные проблемы безопасности в условиях кон-

Foundation, 244 p. (in Russian).

Lubsky, A.V. (2015). State-civilization and national-civilizational identity in Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2, 30-45. (in Russian).

Lyausheva, S.A. (2001). Cultural-ethnic aspects of Islam among the Adygs. *Izvestiya TSSN MGTI. Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya*. (in Russian).

Napso, R.R. (2013). The state of interethnic relations in the Republic of Adygea as a factor of the social well-being of the population. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2. (in Russian).

National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience / Ed. Yu. Volkov. (2016). M.: Social and Humanitarian Knowledge, 425 p. (in Russian).

North, D., Wallace, J., Weingaist, B. (2011). Violence and social orders. M. (in Russian).

All-Russian identity: unfinished project and new agenda / Ed. Yu. Volkov. (2017). Rostov-on-Don : Fond nauki i obrazovaniya, 332 p. (in Russian).

Pertseva, Yu.I. (2014). Revival of the traditional culture of the Cossacks in the activities of folklore collectives in the South of Russia. *Modernizatsiya polietnichnogo makroregiona i sopredel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsenarii razvitiya: materials of the conference (Rostov-on-Don, September 18-19, 2014)* / Ed. G.G. Matishov. Rostov-on-Don: UNSC RAS Publishing house.

The Russian nation: formation and ethnocultural diversity / Ed. V.A. Tishkov. (2011). Moscow: Nauka, 248 p. (in Russian).

The state of interethnic relations and the religious situation in the subjects of the Russian Federation of the North Caucasus Federal District (second half of 2015). Expert report / Under the general editorship of Academician V.A. Tishkov. (2015). M.; Pyatigorsk; Stavropol: PGLU, 141 p. (in Russian).

Tishkov, V.A. (2001). Ethnology and politics. Scientific journalism. Moscow: Nauka, 320 p. (in Russian).

Tkachev, M.V. (2007). Sociocultural aspect of migration processes in the context of regional conflictology. *Actual problems of security in a conflict situation in the south of*

фликтогенной ситуации на Юге России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В.М. Юрченко. Краснодар, 2007.

Ханаху Р.А., Цветков О.М. Исламская община в Адыгее: внутренняя динамика и перспективы эволюции (по итогам социологического исследования) // Вестник Адыгейского государственного ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1. С. 145–153.

Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. 320 с.

Berger, I.L. Desecularization of the World: A Global Overview // *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Washington, 1999.

Lubsky A.V., Volkov Yu.G., Denisova G.S., Voytenko V. P., Vodenko K.V. Civic education and citizenship in modern Russian society // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol. 9, Iss. 36.

Volkov Yu.G., Vodenko K.V., Lubsky A.V., Degtyarev A.K., Chernobrovkin I.P. Russia is Searching for Models of National Integration and the Possibility to Implement Foreign Experience // *Information*. 2017. Vol. 20, No. 7 (A). P. 4693–4708.

Russia: the materials of the Intern. scientific-practical Conference / Ed. V.M. Yurchenko. Krasnodar.

Khanakhu, R.A., Tsvetkov, O.M. (2012). The Islamic community in Adygea: internal dynamics and evolution prospects (based on the results of sociological research). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya, 1, 145-153. (in Russian).

Value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure: monograph / Ed. Yu. Volkov (2015). Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya. 320 p. (in Russian).

Berger, I.L. (1999). Desecularization of the World: A Global Overview. *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Washington.

Lubsky, A.V., Volkov, Yu.G., Denisova, G.S., Voytenko, V. P., Vodenko, K.V. (2016). Civic education and citizenship in modern Russian society. *Indian Journal of Science and Technology*, 9, 36.

Volkov, Yu.G., Vodenko, K.V., Lubsky, A.V., Degtyarev, A.K., Chernobrovkin, I.P. (2017). Russia is Searching for Models of National Integration and the Possibility to Implement Foreign Experience. *Information*, 20, 7 (A), 4693-4708.

Поступила в редакцию

17 мая 2018 г.